

Пчела XIV–XV ~ XIII – Збірник, який називається “Пчела”. Цит. за вид.: Семенов В. Древняя Русская Пчела по пергаменному списку // Сб. ОРЯС. – 1893. – Т. 54. – № 4. – С. 1–144. Цит. за вид.: 21.

Скрижаль – Скрижаль Арсенія Грека. – М., 1656 р. Стародрук. Цит. за вид.: 23.

Прискока О. В. Из истории лексем жертвѣникѣ, жертвѣница, жертвище, молитвище в письменности Киевской Руси.

*В статье освещается история лексических единиц, отраженных письменностью Киевской Руси, которые в дохристианское время функционировали как названия языческих культовых сооружений, а позже стали названиями строений христианского культа, одновременно сохраняющими первое значение. Речь идет о словах **жертвѣникѣ, жертвѣница, жертвище, молитвище**. Выясняется их происхождение, исследуются семантические и стилистические особенности функционирования в письменности Киевской Руси, прослеживается их дальнейшая судьба в восточнославянских языках.*

Ключевые слова: лексема, семантика, дериват, контекст, этимология, старославянский, славяно-русский, церковнославянский, Вульгата, Септуагинта.

Pryskoka O. V. From the history of lexeme жертвѣникѣ, жертвѣница, жертвище, молитвище in the writing of Kievan Rus.

*The article highlights history of lexical units reflected in the written language of Kievan Rus, which in pre-Christian times functioned as the names of pagan religious buildings, and later became the names of structures of the Christian cult retaining their first meaning. It is about the words like **жертвѣникѣ, жертвѣница, жертвище, молитвище**. Their fate is different. Only the lexeme жертвѣникѣ with semantics “a place where sacrifices were made to a deity”, “in the Christian church – a consecrated table in an altar, an altar” is contained in the lexical composition of the modern Ukrainian and Russian languages, while others later abandoned them at the various stages of the development of the East Slavic vocabulary warehouse. The word молитвище has Croatian origin. It came to our writing due to the interaction of ancient Croatian and East Slavic translational schools. There was no further development in the East Slavic linguistic soil. Based on the considered linguistic features and the peculiarities of the functioning of written monuments of the analyzed lexemes, one can draw a general conclusion about their literary origin in the writing of Kievan Rus.*

Keywords: lexeme, semantics, derivat, context, etymology, Old Slavonic, Slavic-Russian, Church Slavonic, Vulgate, Septuagint.

Т. В. Стась
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И МОТИВАЦИИ НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ ПОЛЕВОДСТВА И СЕНОКОШЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ XIV–XVI ВВ.)

В статье дается характеристика моделей номинации подсечно-огневого земледелия Северо-Западной Руси XIV–XVI вв. В научный оборот вводятся факты лексики и топонимии, позволяющие расширить представления о роли и значении сельскохозяйственной терминологии, выявляется объем и проводится семантическая

группировка лексических единиц, дается их характеристика с точки зрения происхождения и функционирования на различных этапах развития русского языка, определяется их структура, словообразовательный и семантический объем, прослеживается дальнейшая судьба в современном русском литературном языке.

Ключевые слова: историческая лексикология, лексико-семантическая группа, предметно-логическое значение слова, полисемия, вариативность компонентов.

Активность и степень употребительности земледельческих терминов определяется многими моментами в выработавшейся веками сложной системе обработки лесных участков, превращения их в пахотную или сенокосную землю. Объединение анализируемых лексем в лексико-семантические группы определил этап подготовки земельного участка к использованию.

В новгородских памятниках письменности отмечается ряд слов и словосочетаний, отражающих в своей семантике различные периоды обработки лесоучастка под пашню. Многообразие их форм характеризует определенный момент становления земледельческой терминологии – языка анализируемого периода.

Цель данной статьи – проанализировать однословные наименования (когда речь идет о конкретных подсеках) “участков леса, расчищенных под пашню или сенокос”, и сложные наименования со значением “любой участок леса, расчищенный под пашню или сенокос”. Семантику сложных наименований определяют зависимые компоненты – конкретизаторы значения.

Отметим, что контексты, которыми мы располагаем, не всегда позволяют дифференцировать значение анализируемой лексемы и четко определить, является называемый ею участок пахотным или сенокосным. Этим обусловлено определение, в некоторых случаях, значения отдельных лексем как “участок леса, расчищенный под пашню или сенокос”.

В рассматриваемую группу нами объединены синонимичные лексемы: *починокъ*; *поляна (полянка)*; *нива (нивка, нивище, нивици)*; *ляда, лядина, лядо*; *чисть, чища, чищенина, росчисть, новочисть, новоросчисть, новочищеница*; *репище*; *кулига, куличка*. Рассмотрим некоторые из указанных выше наименований земельных участков.

Поляна (полянка). Общеславянская лексема *поляна* (ср.: русск. *поляна*, укр. *поляна*, словен. *poljana* “равнина, низменность”, словц. *pol'ana* [12, с. 322]) отмечена в памятниках письменности с XI в. в значении “поляна, долина” [11, II, с. 1153]. С пометой “уменьшит. от сл. *поляна* представлена в “Материалах” И. И. Срезневского лексема *полянка*, которая иллюстрируется в этом лексикографическом труде примерами из памятников новгородской письменности XIV–XV вв.: *Что моя полянка особая досталася мнѣ отъ брата, и ту полянку даю святому Михаилу, и инья земли, что в межахъ с тою землею* [Дух. Новг. и Двин. XIV–XV вв.]; *А межа тѣмъ селамъ <...> через полянку* [Новг. купч. XIV–XV вв., 35]. В “Материалах” Г. И. Кочина

поляна, полянка представлены в неопределенном значении – “земельное угодье” [2, с. 259]. Эти лексемы образованы с помощью суффиксов *-j-*, *-ан-*, *-и-* от *поль* – “открытый, пустой” (ср.: лат. *palat* – “открыто”, шведск. *fala* – “равнина, пустошь”).

В XIV–XV вв. лексемы *поляна, полянка* употреблялись с семантикой “маленькое поле”. А. И. Подвысоцкий уточняет размеры северной *полянки* – “от 300 кв. сажен до двух десятин” [6, с. 316].

В документах земель Великого Новгорода XV в. лексемы *поляна, полянка* употреблялись весьма активно. Здесь они представлены в значении “участок леса, очищенный от кустов под сенокос”: *...на Лявле островѣ селе, да в Конечныхъ два села, и по Млокурьи пожни и рыбные ловища, а по церковной сторонѣ и до Кудмы, и вверхъ до Кудмы и до озера, и в Неноксѣ мѣсто за сенникомъ, и дворище и полянка* [ГВНП, № 129, XV в.]; *А Семену давати мѣста на поместищыковыхъ мѣстехъ, и на своеземцовыхъ, и на монастырскихъ, и на городскихъ людей полянахъ съ ряду* [НПК III, 960, XV в.]; *Полянка Филипповская против Хохлова <...> засѣву десятина* [Кн. ям. Новг., 14, 1588].

В значении “участок леса, очищенный от кустов под сенокос” лексемы *поляна, полянка* использовались и в беломорской деловой письменности XV–XVII вв.: *Ермола отдал св. Михаилу полянка* [Дв. гр., № 59, XV в.]; *Степан взял <...> над ручьем полянка* [там же, № 77].

Поляна, полянка не зарастали лесом или кустами, они распахивались ежегодно. Так, в середине XIX в. И. П. Щекотов характеризует *поляну* следующим образом: “При хороших качествах земель и ее плодородии, и особенно при нужде в земле <...> начинали льнище (старую росчисть – С. Т.) “парить”, т. е. два-три раза за лето перепаживать ее сохой и, обыкновенно на третий год после снятия льна, сеяли рожь без навоза, который заменяла усиленная паровая обработка. Так паровали *полянки*... Здесь лесопольная система всецело переходит в паровую” [14, с. 199]. Именно этот, переходный период, характеризуется активным использованием в новгородской письменности лексем *поляна, полянка* в значении “участок леса, расчищенный под пашню”.

Описание земельных угодий церковного притча в Шельском погосте Обонежской пятины свидетельствует о том, что расчищенная земля – новь – сразу делилась на три поля, что веско свидетельствует о реальности трехпольной системы земледелия: *На погосте церковь Спас-Преображенье, а другая церковь теплая Успенье святой богородицы, а у церквы служный игумен Кирило да на погосте к 14 старцов да 6 стариц (двор) диак Степанко; да игумен же с соборяны паишут под погостом 3 полянки, расчистив ново после письма, а в письме Юрья Константиновича паишня игумену не писана, а сеют на одной полянке ржи 3 четвертки, а в дву по тому и, сена косят 15 копен, треть обжи, земля худа* [ОПК, 168, XV в.];

Пашни в поле и в полянках 4 четверти [Сотн. Каргоп. у. 1561; САС II, 345]; *Се порядились у старца у Макарьи <...> въ Слободское поселье <...> семь миръ ржи, да семь миръ овса, и где навозъ возить в полянки* [Порядн. кр-ян Важ. мон., 1586]. В памятниках письменности Новгорода лексемы *поляна* и *полянка* явно термины подсечно-огневого земледелия. Это предположение подкрепляется еще и тем, что в некоторых хозяйствах, помимо обработанной пашни, был еще и обработанный участок в лесу: *А в пустоши Гришки Демидова пашни паханые <...> да перелогом и лесомъ поросло шесть честеи, да на отхожихъ на лешихъ полянкахъ четыре чети* [Писц. кн. Свирск. мон., 1615].

Из приведенных примеров следует, что *поляна* и *полянка* в значении “участок леса, расчищенный под пашню” характерны были для говоров северной части Руси (Важский, Двинский, Каргопольский уезды).

В этом же значении лексемы *поляна* и *полянка* употреблялись в документах других великорусских территорий. Так, в XV–XVII вв. они отмечены в памятниках письменности Белозерья. Особенно активно их использование в памятниках районов, расположенных не севернее Белого озера: *Пашни паханые средние земли пятнадцать четвертей да на отхожихъ полянкахъ <...> шесть четвертей* [13, с. 69].

В рязанских, северодвинских, московских памятниках письменности XIV–XVI вв. лексемы *поляна*, *полянка* представлены с различной семантикой. Так, в рязанских актах лексема *поляна* – “сенокосное угодье”: *Князь великий дал Солотчинсеого монастыря игумену Лариону <...> Сапчаковскую, Неторскую поляну* [Вып. ряз. кн. 1427; Ак. III, № 330]. В северодвинских документах *полянка* – “земельное угодье, используемое в хозяйственных целях”: *А что моя полянка особная досталась мне от брата* [Дух. дв. Ермолы XIV в., АЮ № 408–409]. В московских памятниках *поляна* – “пахотная земля”: *Михайло поораль сильно и овсом посеял ту поляну* [Разъезж. Переясл. у. 1474; Ак. I, 471], а также “сенокосное угодье”: *Села и деревни Троицкие Сергеева монастыря. Въ Емсть с Марьинское <...> Къ тому къ селу пожня, выгород на рекъ на Пояршъ, полянка Ондршевская на Голузинъ Броду* [Сотн. III. 136, 1545; 8 в. 3, 195].

В конце XVII в. лексема *полянка* с семантикой “пахотная земля” используется в олонечских документах: *... с поля и с полянки самосильством своим вывезли жатого хлеба ржи 140 бабок* [Д. Олон. зав., 1638, 198].

Употребление в рамках одного предложения (как в предложенном выше) лексем *поляна*, *полянка* можно, на наш взгляд, отнести к особенностям письменности рассматриваемого периода. Как отмечалось выше *полянка* здесь – уменьшительное производное от лексемы *поле*. Памятники письменности дают довольно обширный материал подобного параллельного употребления лексем. Здесь следует отметить, что при различных суффиксах, семантическая соотнесенность – та же (ср. *лес* – *лесок*, *кулига* – *кулишка*,

новина – новинка). В образованиях подобного рода значение уменьшительности поддерживается предметно-логическим значением слова.

В XVI в. лексемы *поляна*, *полянка* с семантикой “сенокосное угодье” отмечаются олонецкими документами: *Васюк Никитин* <...> *сена косит на полянке за рекою за Золотицею* [Сотная Дв. у. Ник. пог., 1561].

В новгородских памятниках письменности отмечено использование лексемы *поляна* в составе сложного топонимического наименования: *Д. Поляна Сушья* [НПК III, 370]. Как стержневое слово в сложном топонимическом наименовании, но в форме множественного числа отмечена лексема *поляны* в Переписной оброчной книге Вотской пятины: *Д. Поляны Ломное* [там же, 370, XVI в.].

В современном русском литературном языке лексемы *поляна*, *полянка* с семантикой “участок леса, расчищенный под пашню или сенокос” не употребляется.

В “Опыте областного великорусского словаря” лексема *поляна* в рассматриваемых значениях не представлена. В форме множественного числа *поляны* “пахотные места, находящиеся вдали от жилища” слово отмечено в Ярославском уезде [5, с. 169]. В. И. Даль в своем словаре зафиксировал *поляна*, *полянка*, *поляночка*, *полевщина* с семантикой “равнина, поле без посева, окруженное лесом”, снабдив их пометой “рязанское”: Лесная поляна, прогалина, безлесная площадка // Кулига, рощисть, подсека. И Нижнем Новгороде – *поляна* – отдаленный сенокос, пашня особняком в заполице, в пустошах [1, III, с. 258].

В говорах Карелии, в смоленских и псковских говорах *поляна*, *полянка* с древним значением, характерным для подсечно-огневого земледелия “участок леса, расчищенный под пашню или сенокос” не фиксируется [СРГК, СНГ, ПОС]. По данным Картотеки АОС лексемы *поляна*, *полянка* с семантикой “подсека, рощисть” отмечается с северо-восточной части современных архангельских говоров.

С древнейшим видом земледелия – подсечно-огневым, лядинным – связано употребление в новгородской письменности лексем с общеславянским корнем *-ляд-*: *ляда*, *лядо*, *лядина*. *Ляда* – “поле, поросшее молодым лесом, новь”, укр. *лядо* – “место в лесу, заросшее сосной”, блр. *лядо* – “новь”, др.- русск. *лядина* – “пустошь, сорняки, густой кустарник”, *лядеть* – “зарастать (молодой порослью)”, болг. *лѣдина*, *лѣдина* – “пустошь, новь, целина”, словен. *ledina*, чеш. *Lada* мн. – “необработанные поля”, *lado* – “пустошь, пар”, словц. *lado* – то же, польск. *lad* – суша, материк, континент”, в.- луж. *lado* – “земля под паром”, н.- луж. *lědo* // праслав. *ledo родственно др.-рус. *linden* – “долина”, форма вин. п., ед. ч.; с другой ступенью чередования: шв. *linda* – “пар”, гот. *land* – “земля”, ирл. *land*, *lann* – “свободное место” [12, II, с. 549].

В “Материалах” И. И. Срезневского лексема *лядина* представлена в значениях “сорная трава”, “поле, борозда поля” [11, II, с. 99]. Лексемы *ляда*, *лядо* в данном лексикографическом труде не представлены. С семантикой “поле, борозда поля” слово *лядина* впервые отмечается в Судном списке о праве владения землями Московских митрополитов в Ликуржской волости 1498–1505 гг.: *На четыре березы да на елку на малую, стоят на лядине из одного корени* [АЮ № 10; 9, II, 99].

В “Материалах” Г. Е. Кочина *лядина* – “угодье” [2, с. 184], здесь отмечаются также лексемы *ляда* “угодье, сенокос, пахота или рощисть, поросшие лесом” [там же]. В Текстах и обзоре белозерских актов Г. Е. Кочин фиксирует словосочетание *лядина травная*, которое приводит в своих “Материалах” без дефиниций. Возможно, здесь *лядина травная* – “сенокосное угодье”, “участок леса, расчищенный пол сенокос”. С подобным значением “участок в лесу, годный для обработки или обработанный подсечным способом под поле” приводит лексему *лядина* О. Г. Порохорова [7, с. 177].

Как уже отмечалось, техника подготовки к сельскохозяйственному использованию земельных участков в лесу была достаточно трудоемкой, а использовались эти участки, в том числе и лядинные, только один, максимум два раза, что объясняется довольно быстрым истощением земли, ввиду применения примитивных способов ее обработки. В XIII–XIV вв. подсечно-огневое земледелие постепенно начинает заменяться пахотным, паровым, сначала на юге, где лесов было меньше, а на севере этот процесс затягивается до первой четверти XX в. Довольно длительное время, особенно на севере, подсечно-огневое земледелие существует параллельно с пахотным, паровым, возможно это и послужило причиной сохранения в народных говорах древних названий участков леса, расчищенных под пашню или сенокос, в том числе и лексемы *лядина*. Некоторые из них рассмотрены в работах Ф. П. Филина, О. Г. Пороховой [13, с. 547; 7].

Лексема *лядина* зафиксирована нами в Новых псковских грамотах XIV–XV вв. В приводимых примерах она использована с семантикой “участок леса, расчищенный и используемый под сенокос”, и употребляется в одном ряду с такими названиями сенокосных угодий, как *пожня*, *нива*: *А что в том ободу Изборской волости стражут лядины и пожни, ино тѣм людемъ страдати по старине, а господин Пскова с тѣх дядинъ и с пожней дерну не имал* [Марас., № 32, XV в.]: *А что в том же ободу псковичи стражут дядины и пожни и нивы, а тѣм людемъ псковичем страдати по старине, а господин Пскову с тѣх дядинъ и с пожней и с нивъ дерну не имал* [там же]. Поскольку лядины и другие угодья стражут, “обрабатывают” [11, III, с. 581], следовательно, в приведенных примерах это – обрабатываемое сенокосное угодье на расчищенном участке леса.

Как антоним, с семантикой “запущенная, поросшая молодым лесом пашня или сенокос”, лексема *лядина* прослеживается в следующих примерах: *Да посередь лядины на осиноый пень* [Арх. Стр. I, 188, 1526 г.]; *Рощей и лядин и дровяного всякого лѣсу не явяся и игумена сѣчи никому не велѣли* [Цар. гр., 10, XVII в., 1598 г.; 8, в. 8, 349].

В документах Новгородской феодальной республики и центральных районов Руси отмечена лексема *лядо* – “участок леса, расчищенный под пашню или сенокос”: *Иже прилагают домъ в лесу, и села к селомъ, изгой и сябры и бърти, и пожни, лядо же и старины* [Климент. Смолят., 104, XV в.]; *Возлѣ Вязмы рѣки росчисное лядо отмежевалося намъ* [АЮБ III, 145, 1688 г.].

Как антоним в СлРЯ XI–XVII вв. отмечается лексема *ляда* – “поле или запущенная пашня, поросшая молодым лесом”: *Отъ озерка от Чистого мху на Одрееву ляду, а Одреевою лядою къ Боброву ручью* [Польск. д. III, 662, 1570 г.; 8 в. 8, 349].

Изучать лексику подсечно-огневого земледелия по письменным памятникам, как указывает Г. Е. Кочин [3, с. 139], довольно сложно, поскольку о земельных участках, подготовленных или подготавливаемых к сельскохозяйственному использованию, в них говорится лишь в общем виде, а лексика, относящаяся к обработке земли при ведении подсечно-огневого земледелия, довольно разнообразна. “Подсеку можно встретить под разными наименованиями. В документах XIV–XV вв. Северо-Восточной и Северо-Западной Руси встречается “лес пашенный и пахотный”, “пашни в горях”, “гарь”, “пал”, “сечи”, “пашни в сечах”, “чищи”, “чисти”, “роздели”, “подели”, “притеребы”, “росчисти” и др.” [3, с. 136]. Поэтому конкретно определить значение лексем в некоторых случаях не всегда возможно. Например, в предлагаемом фрагменте из Книг Шелонской пятины лядиной может быть “участок леса, расчищенный под пашню” или “участок леса, расчищенный под сенокос”: *Дер. Подневицина, пол – 2 обжи, пашни на обже по 4 четверти, сѣна на обже по 2 копны, лѣсу пашенного и непашенного, поросли и лядинь 5 десятинь* [НПК V, 466, XV в.]. Семантику лексемы *лядина* в предложенном выше примере определяем как “участок леса, расчищенный под пашню или сенокос”.

В анализированных памятниках письменности встречается также активное использование лексем *ляда*, *лядина*, *лядо* и производных от них в качестве простого и сложного топонимического наименования. Так, в Переписной оброчной книге Деревской пятины нами зафиксировано: *Д. Лядя* [НПК I, 624, XV в.]; *Д. въ Лядинахъ* [там же, с. 201]. Дериват *лядки* также является названием деревни: *Д. Лядки* [НПК II, 139, XVI в.]; *...местности Никольская съ Лядки Д. Машино* [НПК II, 390, XV в.]; *В Молвя/ти/цахъ же великого князя деревни, что бывали Никольского монастыря съ Лядки* [НПК I, 624, XV в.]. В Переписных оброчных книгах пятин Великого Новгорода

читаем: *Д. Лядина* [там же, 61, 152, 504, 505, 622; НПК II, 559, XV в.]; *Д. Лядины* [НПК II, 167, XVI в.]. Для называния деревень использовались дериваты: *Д. Лядинка* [НПК I, 488, XV в.; НПК II, 146, 157, XV в.]; *Д. Лядинки* [НПК II, 213, XVI в.]. В качестве топонимического наименования функционировало префиксально-суффиксальное производное от *лядина* – *заялядиние*: *Д. Заялядиніе* [НПК II, 316, XVI в.]. Как сложные топонимические наименования отмечены названия деревень: *Д. Высокая Лядина* [НПК I, 454, XV в.]; *Д. Верховье Лядинное на рѣчкѣ на Глубоскѣ* [НПК II, 468]; *Д. Степанково Лядинное* [там же, 468].

Слово *ляда*, его варианты и производные широко представлены в русских народных говорах. Так в “Опыте областного великорусского словаря” лексема *лядина* приведена с семантикой “1. Лес. Новгор. (Тихв.), Олон.; 2. То же, что *ляда* в 1 знач. (Арханг.)”; “Поле с корнями срубленных кустов и деревьев. Смол.”; и лексема *лядинка* – “ум. слова *лядина*. Олон.” (Опыт., 108). Лексема *ляда* с пометами “Владим.” и “Волог.” представлена в значении “болото или другое неудобное место, поросшее кустарником или лесом”, а *лядка* – “ум. от слова *ляда*”. Слово *ляды* – “часть земли, на которой вырублен лес для засева хлебом”, здесь дается с пометой “псков.”.

В. И. Даль приводит “ляда, лядо, лядина” с пометами “запад., сев.”, “лядо вор., кур., лядина влд. пустошь, заросль, покинутая и заросшая лесом земля, запущенные заросли; // чищоба, починок, пасека, кулига, валки, пожар, лесной перелог (без указания места). *Ляда* – “чистить или прятать ляды, жечь кулиги. Ляды, кулиги, чищобные поля, засѣвы [1, с. 286].

В некоторых современных русских народных говорах эти слова сохранили древнейшее значение, но оно уже относится к разрабатываемым из-под леса пахотным участкам. Так, Г. И. Куликовский отмечает лексему *лядина* с семантикой “место в лесу, удобное для хлебопашества” [4, с. 301].

В русских народных говорах Псковской области *ляда* – “вырубленное и выжженное под пашню или сенокос место в лесу; росчисть. *Ляда* – разработанная земля, к пашне готовая, *ляда* сначала была *лядиной*, т. е. смешанным лесом, потом лес на ней вырубил, сожгли, раскопали, получилась *ляда*. Пск., Великолукск., Зап., Смол., Брян., Калуж., Твер., Перм., Новосиб., Терск.” [8, с. 260]. В говорах *ляда* и “участок леса или кустарника, предназначенный для подсеки и распашки”, и “пашня, поле, луг на месте выкорчеванного леса, кустарника. Смол., Великолукск.” и др., и “непаханая земля, новь, целина Зап., Брянск.”, и “впервые вспаханное поле, целина” и др. Всего в СРНГ лексема *ляда* отмечена с двадцатью двумя оттенками значения [там же, 259–262]. С пометами “Зап., Север., Пск., Великолукск., Калинин., Киров., Новг., КАССР” в СРНГ представлена лексема *лядина* “вырубленное и выжженное под пашню или сенокос место в лесу; росчисть”. Полисемичная лексема *лядина* с указанной семантикой в данном лексикографическом труде представлена двадцатью восьмью оттенками

значений [там же, 263–267]. Слово *лядо* с пометами “Ворон., Курск., Смол.” отмечено в значении “вырубленное и выжженное под пашню место в лесу; росчисть”. Полисемичная лексема *лядо* с указанной семантикой представлена в СРНГ десятью оттенками значений [там же, с. 268].

В современном русском литературном языке *ляда*, *лядина*, *лядинка* – областные слова. *Ляда* – “место, расчищенное под луг или пашню”, “овраг”; *лядина* – “пахотный участок среди леса на месте вырубki или пожарища”; *лядинка* – уменьш. к *лядина* [9, т. 6, с. 457]. Как видим, в “Словаре современного русского литературного языка” лексемы *ляда*, *лядина*, *лядинка* представлены с древними значениями.

Л и т е р а т у р а :

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / Владимир Иванович Даль. – М. : Русский язык, 1978–1980.
2. *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря древней Руси / Георгий Евгеньевич Кочин. – М.-Л., 1937.
3. *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования централизованного государства: конец XIII – начало XVI вв. / Георгий Евгеньевич Кочин. – М.-Л. : Наука, 1965.
4. *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении / Герман Илларионович Куликовский. – СПб., 1898.
5. Опыт областного великорусского словаря. – СПб., 1852.
6. *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении; 2-е изд. – СПб., 1885.
7. *Порохова О. Г.* Слова *ляда*, *лядина* и *нива* в русских народных говорах // Лексика русских народных говоров. – М.-Л., 1966.
8. Словарь русских народных говоров / [гл. ред. Ф. П. Филин]. – Вып. 17. – Л. : Наука, 1981. – 384 с.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1975.
10. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / [под ред. В. И. Чернышева]. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.
11. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / Измаил Иванович Срезневский. – СПб., 1893–1903.
12. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / Макс Фасмер. – М., 1964–1973.
13. *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков / Федот Петрович Филин. – Л. : Наука, 1972.
14. *Щекотов И. П.* Лесопольная система хозяйства / И. П. Щекотов // Сельское хозяйство и лесоводство. – СПб., 1884, ноябрь.

R e f e r e n c e s :

1. *Dal V. I.* Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language] : v 4 t. – M. : Russkiy yazyk, 1978–1980.
2. *Kochin G. Ye.* Materialy dlya terminologicheskogo slovarya drevney Rusi [Materials for the terminological dictionary of ancient Russia] / Georgiy Evgenjevich Kochin. – M.-L., 1937.
3. *Kochin G. Ye.* Selskoye khozyaystvo na Rusi v period obrazovaniya tsentralizovannogo gosudarstva: konets XIII – nachalo XVI vv. [Agriculture in Russia during the formation of a centralized state end of the XIII – beginning of the XVI century] / Georgiy Yevgenyevich Kochin. – M.-L. : Nauka, 1965.
4. *Kulikovskiy G. I.* Slovar oblastnogo olonetskogo narechiya v yego bytovom i etnograficheskom primenenii [Dictionary of the regional Olonets dialect in its everyday and ethnographic application] / Herman Illarionovich Kulikovskiy. – SPb., 1898.
5. Opyt oblastnogo velikoruskogo slovarya [Experience of the regional Great Russian dictionary]. – SPb., 1852.
6. *Podvysotskiy A. I.* Slovar oblastnogo arkhangel'skogo narechiya v yego bytovom i etnograficheskom primenenii [Dictionary of the regional Arkhangel'sk dialect in its everyday and ethnographic application] / Aleksandr Iosifovich Podvysotskiy ; 2-e izd. – SPb., 1885.
7. *Porokhova O. G.* Slova *lyada*, *lyadina* i *niva* v russkikh narodnykh govorakh // Leksika russkikh narodnykh govorov [The words *lyada*, *lyadina* and *niva* in the Russian folk dialects / / Lexicon of Russian folk dialects] / Olga Snrgeevna Porokhova. – M.-L., 1966.
8. Slovar russkikh narodnykh govorov [Dictionary of the Russian folk dialects] / [Gl. red. F. P. Filin]. – Vyp. 17. – L. : Nauka, 1981. – 384 s.
9. Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries]. – M., 1975.
10. Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of the modern Russian literary language] : v 17 t. / [Pod red. V. I. Chernysheva]. – M.-L. : Izd-vo AN SSSR, 1948–1965.
11. *Sreznevskiy I. I.* Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam [Materials for the dictionary of ancient language written on monument] : v 3 t. / Izmail Ivanovich Sreznevskiy. – SPb., 1893–1903.
12. *Fasmer M.* Etimologicheskii slovar russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language] : v 4 t. /Maks Fasmer. – M., 1964–1973.
13. *Filin F. P.* Proiskhozhdeniye russkogo, ukrainskogo i belorusskogo yazykov [Origin of the Russian, Ukrainian and Belarusian languages] / Fedot Petrovich Filin. – L. : Nauka, 1972.
14. *Shchekotov I. P.* Lesopolnaya sistema khozyaystva [Lesopole system of farming] I. P. Shchekotov // Selskoye khozyaystvo i lesovodstvo. – SPb., 1884, noyabr.

А р х е о г р а ф и ч е с к и е и с т о ч н и к и :

АХУ – Акты Холмогорской и Устюжской епархии : в 3 ч. // РИБ. – СПб., 1890.

АЮ – Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. Изд. Археографической комиссией. – СПб., 1838.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. – М.-Л., 1949.

НПК I – Новгородские писцовые книги / Изд. Археографической комиссией. – Т. 1 / Переписная оброчная книга Деревской пятины. Ок. 1495 г., первая половина. – СПб., 1859.

НПК II – Новгородские писцовые книги / Изд. Археографической комиссией. – Т. 2 / Переписная оброчная книга Деревской пятины, до 1495 г., вторая половина. – СПб., 1862.

НПК III – Новгородские писцовые книги / Изд. Археографической комиссией. – Т. 3 / Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500 г., первая половина. – СПб., 1868.

НПК V – Новгородские писцовые книги / Изд. Археографической комиссией. – Т. 5 / Переписная оброчная книга Шелонской пятины. – СПб., 1905.

Стась Т. В. Про походження та мотивацію деяких термінів рільництва та сінокосіння (за матеріалами пам'яток писемності Північно-Західної Русі XIV–XVI ст.).

У статті дається характеристика моделей номінації підсічно-вогневого землеробства Північно-Західної Русі XIV–XVI ст. У науковий обіг вводяться факти лексики та топонімії, що дозволяють розширити уявлення про роль і значення сільськогосподарської термінології, виявляється обсяг і проводиться семантичне угруповання лексичних одиниць, дається їх характеристика з точки зору походження та функціонування на різних етапах розвитку російської мови, визначається їхня структура, словотвірний і семантичний обсяг, простежується подальша доля в сучасній російській літературній мові.

Ключові слова: історична лексикологія, лексико-семантична група, предметно-логічне значення слова, полісемія, варіативність компонентів.

Stas T. V. On the origin and motivation of someterms of field crop cultivation and haymaking (based on the materials of the writings of North-Western Russia XIV–XVI centuries).

The article gives a description of the models of slash-fire farming nomination of North-West Russia in the XIV–XVI centuries. The facts of lexicon and toponymy are introduced into the scientific revolution, allowing to expand the notion of the role and significance of agricultural terminology. In the Novgorod monuments of written language XIV–XVI centuries, marked a wide range of titles, reflecting in their semantics various stages of preparing the forest area for arable land. In the Novgorod monuments of written language XIV–XVI centuries. marked a wide range of titles, reflecting in their semantics various stages of preparing the forest area for arable land. The article presents a complete lexico-semantic, word-formation and structural analysis of the slang vocabulary of slash-and-burn agriculture: the volume is identified and a semantic grouping of lexical units is carried out, their characteristics are given from the point of view of origin and functioning at various stages of the development of the Russian language, the structure, word-forming, semantic volume, the derivational activity is considered, separate grammatical, word-building and structural features, traces I have the fate of the modern Russian literary language.

Keywords: historical lexicology, lexico-semantic group, object-logistic meaning of word, polysemy, variability components.